

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Кудряшов И. В. Лирический сюжет цикла «Спас» Николая Клюева как духовная автобиография поэта / И. В. Кудряшов, С. П. Пяткин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 290—310. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-290-310.

Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2025). Lyric Narrative of Nikolai Klyuev's Cycle "Spas" as Poet's Spiritual Autobiography. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 290-310. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-290-310. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лирический сюжет цикла «Спас» Николая Клюева как духовная автобиография поэта

Кудряшов Игорь Васильевич
orcid.org/0000-0001-7022-3830
доктор филологических наук,
профессор кафедры
русского языка и литературы,
корреспондирующий автор
kiv.arz@yandex.ru

Пяткин Сергей Николаевич
orcid.org/0000-0002-8659-7543
доктор филологических наук,
профессор кафедры
русского языка и литературы,
младший научный сотрудник
pyatkinsn@arz.unn.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Арзамасский филиал)
(Арзамас, Россия)

Lyric Narrative of Nikolai Klyuev's Cycle "Spas" as Poet's Spiritual Autobiography

Igor V. Kudryashov
orcid.org/0000-0001-7022-3830
Doctor of Philology, Professor,
Department of the Russian
and the Literature,
corresponding author
kiv.arz@yandex.ru

Sergey N. Pyatkin
orcid.org/0000-0002-8659-7543
Doctor of Philology, Professor,
Department of the Russian
and the Literature,
junior research scientist
pyatkinsn@arz.unn.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Arzamas Branch)
(Arzamas, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование стихотворного цикла Н. А. Клюева «Спас» (1918), который является одним из вершинных произведений в творческой эволюции поэта, неординарно и неоднозначно запечатлевшим его религиозно-философские искания на стыке двух эпох — до и после революции 1917 года. Гипотеза работы связана с атрибуцией циклического нарратива как сюжета о спасении души, воплотившего основные вехи духовной автобиографии Клюева. Утверждается, что содержание каждого из восьми стихотворений цикла художественно концептуализируется определенной метафорой, соотношенной с идеей сакрального преображения героя-автора, а развитие сюжета в «Спасе» обуславливается последовательной сменой этих метафор. Показано, что концептуальные метафоры, являясь важным элементом поэтики клюевского цикла, формируют его образно-символическую структуру, насыщенную библейскими аллюзиями и реминисценциями, и отражают религиозно-этический опыт олонецкого поэта: от осмысления божественного предназначения песенного дара (метафора «спасение как предопределение») — к восприятию высшего смысла жертвенной христианской любви (метафора «спасение как самопожертвование»). Отмечено, что «Спас», содержащий характерные признаки «пасхального текста», вообрал в себя жанровые традиции православной агиографии и стал предметом авторефлексии в прозе Н. Клюева 20-х годов.

Ключевые слова:

Клюев; стихотворный цикл; концептуальная метафора; герой-автор; духовное преображение; религиозно-философские искания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the poetic cycle “Spas” (1918) by N. A. Klyuev, which stands as one of the pinnacle works in the poet’s creative evolution, uniquely and ambiguously capturing his religious and philosophical inquiries at the intersection of two eras — before and after the 1917 Revolution. The hypothesis posits that the cyclical narrative can be attributed as a story of soul salvation, embodying the key milestones of Klyuev’s spiritual autobiography. It is asserted that the content of each of the eight poems in the cycle is artistically conceptualized through a specific metaphor, correlated with the idea of sacred transformation of the hero-author, while the development of the plot in “Spas” is determined by the sequential change of these metaphors. The study demonstrates that conceptual metaphors, as a crucial element of Klyuev’s poetics, shape its imagistic and symbolic structure, rich in biblical allusions and reminiscences, reflecting the religious-ethical experience of the Olonets poet: from the contemplation of divine purpose behind the gift of song (the metaphor “salvation as predestination”) to the perception of the higher meaning of sacrificial Christian love (the metaphor “salvation as self-sacrifice”). It is noted that “Spas,” exhibiting characteristic features of a “Paschal text,” integrates genre traditions of Orthodox hagiography and becomes a subject of authorial reflection in Klyuev’s prose from the 1920s.

Key words:

Klyuev; poetic cycle; conceptual metaphor; hero-author; spiritual transformation; religious-philosophical inquiries.

УДК 821.161.1Клюев.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-290-310

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.3. Теория литературы

Лирический сюжет цикла «Спас» Николая Клюева как духовная автобиография поэта

© Кудряшов И. В., Пяткин С. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Лирический цикл «Спас» Николая Клюева (1918), состоящий из восьми стихотворений, написанных в 1916—1918 годах, вошел в состав книги второй «Песнослава», изданного «Литературно-издательским отделом Народного комиссариата по просвещению» в Петрограде в 1919 году по прямому распоряжению А. В. Луначарского. Это издание, вместившее в себя фактически все написанное поэтом к концу 1918 года, стало первым Собранием сочинений Н. Клюева, и именно в таком статусе оно воспринималось как им самим, так и ближним кругом его современников (см. об этом, например: [Есенин, 1999, с. 97]).

Изначально публикацию «Песнослава» Клюев планировал осуществить в издательстве М. В. Аверьянова, вслед за вышедшей в нем своей книгой «Мирские думы» (1916). С этой целью был подписан договор, и, как свидетельствуют письма Клюева, адресованные Аверьянову, поэтом велась напряженная и кропотливая работа по отбору материала, внесению в него значительных исправлений и его структурированию. Однако обстоятельства сложились таким образом, что Клюев, подготовивший «Песнослов» к печати в одной книге, был вынужден в августе 1918 года расторгнуть договор.

«Песнослов» в двух книгах, изданный Наркомпросом, имел «принципиально новую» организацию «сюжета и композиции» (см. [Мекш, 1986, с. 71; Азадковский, 2002, с. 157; Брыкалин, 2005, с. 7] и др.), способствующую, по справедливому заключению Э. Б. Мекша, тому, «чтобы текстовая последовательность раскрывала эволюцию художественного мира автора» [Мекш, 1986, с. 74]. Говоря другими словами, скрупулёзная и многократная переработка Клюевым текстов и принципов их компоновки в «Песнослове», которая велась в течение трех лет, отражает процесс творческой самоидентификации поэта, неизбежной для автора, готовящего к выходу

в свет столь значительное издание, как собрание собственных сочинений. Следовательно, все произведения, созданные Клюевым в данный период, в той или иной мере несут на себе печать такого поиска. Вместе с тем во всем массиве стихотворных текстов этих лет — а их написано с 1916 по 1918 годы около ста — «Спас» занимает особое место по двум причинам. Во-первых, он является единственным циклическим образованием, выделенным автором. Четыре стихотворения, написанные примерно в то же время и объединенные заголовком «Поэту Сергею Есенину» во второй книге «Песнословия», по строгому литературоведческому взгляду, лишь условно могут считаться циклом. Во-вторых, в содержании «Спаса» в концентрированном виде обнаруживаются отличительные черты «скифской» идеологии с ее «голгофским акцентом»: «через страдания и распятие — к воскресению и преображению» [Семенова, 2004, с. 326] (см. также: [Серегина, 2015; 2018]). Причем этот акцент отчетливо просматривается во внутренней логике и последовательности стихотворений цикла, где в оптике евангельского сюжета, имеющего необычное и неоднозначное авторское прочтение, запечатлены разные вехи крестного пути лирического героя как ценностные маркеры духовно-творческой эволюции поэта.

Все вышесказанное дает основание предполагать, что лирический цикл «Спас» Николая Клюева, насыщенный библейскими мотивами и символикой, автобиографическими отсылками, представляет собой уникальный материал для реконструкции духовного пути самого поэта.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Одним из первых исследователей, пытавшихся найти «ключ» к прочтению клюевского «Спаса», стала Н. Ю. Бельченко. Она обратилась к анализу ритуально-мифологических элементов структуры и образности цикла и пришла к выводу, что ритуал и миф составляют основу поэтики Клюева и выступают важнейшим инструментом декодирования глубинных смыслов его произведения [Бельченко, 1998]. Справедливо указав на «совпадение зачина и выхода, своего рода выхода в зачин, в текст, а текста в свет» [Там же, с. 38] как ритуализацию структуры «Спаса», исследователь в то же время не соотнесла эту особенность с доминирующим в цикле сюжетом о спасении души, опирающимся на народно-христианскую традицию.

Отметим, что в новейшее время цикл «Спас» как ценный источник информации о религиозно-философских воззрениях Клюева и его поэтическом мире неизменно находится в центре внимания ученых (см. [Никё, 2006; Шокальский, 2006; Ларионова, 2012; Казаркин, 2013; Солнцева, 2016; Пономарева, 2017; Солнцева, 2019 и др.]). Детальный анализ интимных мотивов в «Спасе» представлен в одной из глав широко известной

книги Н. М. Солнцевой «Странный эрос» [Солнцева, 2000]. Её автор утверждает, что в цикле Клюевым «сотворен неомиф о Спасе», а его «лирический герой явно берет на себя роль хлыстовской богородицы» [Там же, с. 32], что, по мнению исследователя, и составляет сюжет произведения. Проведенный Солнцевой анализ позволил ей сделать заключение, что «весь цикл “Спас” являет гимн уду», хотя образы Клюева наполнены «высокой философичностью» [Там же, с. 38]. Подходя к оценке «Спаса» исключительно с позиций поэтического выражения сектантства (хлыстовства) поэта, Солнцева, по существу дела, заявляет о богохульстве и богоотступничестве лирического героя цикла, а подспудно и его автора: «... исполненный мистической страсти лирический герой переступает границу дозволенного Церковью, абсолюты порушены» [Там же, с. 36].

Французский славист Мишель Никё, вслед за Н. М. Солнцевой, называет «Спас» «мистико-эротическим циклом», отражающим «своеобразный, порой почти кощунственный мистический опыт слияния с Христом» [Никё, 2006, с. 83—84]. Концепция прочтения «Спаса», предложенная Н. М. Солнцевой, получила развитие и в статье А. А. Лысова, который, проведя сопоставительный анализ двух циклов Клюева «Поэту Сергею Есенину» и «Спас», пришел к выводу, что их объединяет имеющий «сектантскую основу» мотив «духовного зачатия», выразившийся в наделении «лирического героя атрибутами Христа» [Лысов, 2016, с. 25].

В статье «Купина в творчестве Николая Клюева: образ и понятие» литературовед Е. И. Маркова связывает возникновение замысла «Спаса» с убеждением поэта, в котором он пребывал в первые годы революции, что «страна через страдание, через распятие обретет спасение. Этой мечте-идее посвящен его цикл “Спас”» [Маркова, 2008, с. 178]. В монографическом труде, посвящённом изучению поэтического родословия Николая Клюева как «народного завета», Маркова отмечает, что «Спас» воспроизводит «чрезвычайно сложные представления Клюева о Христе» и одновременно с этим «демонстрирует и привычное представление о Христе, с которым герой-поэт вступает в непривычные отношения» [Маркова, 2009, с. 65]. Особенно значимой для предлагаемого нами исследования является обобщающая мысль ученого о национальном характере творческой судьбы поэта: «Русский путь Клюева — это путь русского крестьянина к Спасителю» [Там же, с. 69].

Накопленный в литературоведении опыт опосредованно способствует осмыслению цикла «Спас» как духовной автобиографии Клюева, в основу которой положена идея спасения души, явленная в развитии и обретающая в каждом стихотворении новые смысловые решения. Такое прочтение клюевского цикла, претендующего считаться новаторским, значительно расширит его существующие интерпретации, основанные преимуще-

ственно на анализе мистико-эротического контекста «Спаса» и этико-художественных транскрипций сектантских взглядов и настроений поэта. Это определяет главную цель настоящей статьи, опирающейся на методологические подходы (биографический, мифопоэтический, историко-литературный, интертекстуальный, герменевтический), которые применяются в современной филологической практике для системного рассмотрения произведений, отразивших факты духовной биографии писателя. В основу исследования положен структурно-семантический анализ концептуальных метафор, базирующийся на теории метафоры американских исследователей Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, 2004].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лирический сюжет и концептуальная система цикла «Спаса»

Клюевское определение своего творчества — «Песенный Спас» (см.: [Медведев, 2005, с. 109]) — видится в высшей степени симптоматичным при выборе поэтом заглавия цикла. Антропоним *Снас*, занимающий в ономастиконе Клюева главенствующее положение и имеющий широкий спектр художественных репрезентаций (Берестяный Спас, Виноградный Спас, Мокробородый Спас и т. п.) (см.: [ПСК, 2007, с. 154—177]), служит в церковно-славянском языке кратким именованием Иисуса Христа Спасителя мира и одновременно является названием двенадцатого праздника в православном календаре — Преображения Господня. Оба эти значения антропонима *Снас*, взаимодополняющие друг друга и образующие его единое коннотативное поле, в равной степени характеризуют поэтическую семантику заглавия клюевского цикла и конституируют христианский смысл воссозданного в нем жертвенного пути лирического субъекта как носителя и выразителя авторского сознания.

Содержание каждого из восьми стихотворений цикла художественно концептуализируется определенной метафорой, которая в своей когнитивно-семиотической сущности прямо соотносена с идеей сакрального преобразования, становящегося единственным залогом спасения и Воскресения души героя-автора. Последовательная смена концептуальных метафор в «Спасе», структурирующих дискурс всего циклического нарратива, проясняет развитие его сюжета, состоящего из значимых, взаимосвязанных между собой этапов духовного пути героя вплоть до его «ощутимого», метафизического единения с Христом. Очередность этих метафор в цикле Н. Клюева нам видится таковой:

1. Спасение как предопределение.
2. Спасение как служение.
3. Спасение как испытание.

4. Спасение как покаяние.
5. Спасение как упование.
6. Спасение как боголюбие.
7. Спасение как утешение.
8. Спасение как самопожертвование.

1. В начальном стихотворении цикла «Вышел лен из мочища...», выполняющем роль завязки лирического сюжета, реализуется концептуальная метафора **«спасение как предопределение»**, основное лексическое значение которой содержит указание на то, что путь лирического героя к спасению души заранее предreshен Божественной волей.

Символический образ льна, с которым отождествляет себя лирический герой, воспроизводя все процессы его обработки (мочение, сушка, провевание, мялка), в системе эмоциональных и содержательных интенций автора становится исходной точкой его метафизических исканий. Образ «одежды нетленной», как конечный продукт всех операций со льном, восходит к библейским «ризам спасения» (Ис. 61: 10), облачение в которые и служит знаком начала посвяtitельного пути героя. Этот путь напрямую связан в тексте с «мужицким Спасом», который в религиозно-этических воззрениях Клюева «максимально приближен к крестьянскому бытию и миропониманию» [Сепсякова, 2004, с. 331] и осмыслен поэтом как подлинное существо Христа Спасителя. В данном аспекте примечательно то неординарное, если не сказать парадоксальное, назначение героя в обновляющемся мире, которое он осознает как предопределение своей судьбы свыше, ведущее к спасению, что подчеркивается финальными строками: *«Плоти громной, Господней, / На порты я взрацен, / Чтoб Земля с Преисподней / Убелились, как лен»* [Клюев, 1919, с. 143].

2. Не менее сложна и эйдологическая ткань текста второго стихотворения, открывающегося строками *«Я родил Эммануила — / Загуменного Христа»* [Там же, с. 144]. «Загуменный Христос» в цикле Клюева — один из образных сономинатов «мужицкого Спаса» и в то же время одна из ипостасей автора, о чем свидетельствует следующий фрагмент текста: *«Иисусе... / Песен китежских причуды / Погибающим открыл»* [Там же, с. 145]. Символический посыл произведения проясняет природу поэтического таланта лирического героя и постулирует идею его деятельного служения на пути к спасению, что отражает следующее содержание, концептуализированное метафорой **«спасение как служение»**. Противопоставление праведного крестьянского мира («Ржаного Назарета») бесплодному городу («Литер злой, железногрудый»), являющееся сквозным мотивом в клюевском цикле, не только передает многотрудность такого служения, но и, думается, — в большей степени — утверждает образ рус-

ского крестьянства как народа-Христа, с которым кровно связан герой и которому предначертана великая миссия искупления грехов человечества. Закономерно, что стихотворение заканчивается строфой, отсылающей к теме бессмертия в народной памяти песенного дара, отданного людям: *«И над Тяткиной могилкой / Ты начертишь: пел и жил. / Кто родил Эммануила, / Тот не умер, но почил»* [Там же].

3. Развитие лирического сюжета цикла в третьем стихотворении обусловлено репрезентацией семантического потенциала концептуальной метафоры **«спасение как испытание»**. Содержание начальных строк этого произведения обнаруживает прозрачную корреляцию с евангельским эпизодом о рождении Христа: *«Я родился в вертепе, / В овчьем теплом хлеву»* [Там же, с. 146]. Корреляционная связь подобного рода, что показательно, проявляет себя в клюевском тексте и там, где говорится об искушении героя-автора, за которым стоит *«дьявол злой тонконогий»*. В результате этого актуализируется почти непосильное для смертного человека бремя испытаний, что выпало на долю героя, которого дьявол уводит со спасительного пути *«в смрадный, каменный ад»*, символизирующий город, населенный не людьми, а *«грешными тенями»*. Вместе с тем самым сложным испытанием становится соблазн земной «книжной» славой. Его мучительное преодоление приводит героя к обретению пророческого дара поэта (*«Но прозрел я ступени / В Божий певчий шалаи»*) [Там же, с. 147], и одновременно порождает в его душе глубокое покаянное чувство (*«О, простите, примите / В рай запечный меня!»*) [Там же, с. 148]), манифестируя новый этап в сюжетном движении «Спаса».

4. Метафора **«спасение как покаяние»** выступает ядром концептуальной системы четвертого стихотворения цикла *«Во дни по вознесении...»*. Евангельское событие восшествия Спасителя во плоти на небо отзывается в сознании героя ощущением метафизической пустоты, пробуждающим в нем мольбы о прощении: *«Виноградный Спас, прости, прости»* [Там же, с. 149]. Такое именование Христа, органичное для религиозно-художественной эстетики Клюева, символически апеллирует к образу духовного плодородия как одной из ипостасей Спасителя в народно-христианской культуре. Покаянная рефлексия, скрепляющая эмоционально-ценностное содержание стихотворения, непосредственно связана с переживанием героем-автором духовного оскудения как собственной души, так и всей русской земли после вознесения Христа. Печать горькой и неподдельной скорби лежит на картинах, открывающихся взору лирического героя: *«... оспенный трактир / для Христов (народа-Христа) усладнее Софии»; «И в церквах обугленный Распутин / Продает сусальный, тусклый рай»* [Там же, с. 150]. Закрывающий стихотворение инфернальный образ Распутина,

торгующего мнимым спасением душ, отсылает память читателя к словам апостола Петра о лжепророках (2 Пет. 2: 1—2) и является символом лжеучительства, губительной ереси и, одновременно с этим, — предвестником гибели крестьянской России, презревшей Христа.

Замещение в субъектно-образной структуре текста лирического «я» лирическим «мы» свидетельствует не только об онтологическом единстве героя и «народа–Христа», но и об объединяющем их чувстве вины, которое субъект речи высказывает соборным словом покаяния.

Покаяние служит залогом фундаментального обновления внутреннего мира героя-автора на его пути к богопознанию. «Раскаяние, — как писал преподобный Иоанн Дамаскин, — есть возвращение, путем подвижнической жизни и трудов, из противоестественного состояния в состояние естественное и от дьявола к Богу» [Дамаскин, 1913, с. 237]. И в этом отношении стихотворение «Во дни по вознесении...» является «кульминационным текстом» «Спаса», знаменующим поворотный момент в сюжете о духовном преображении героя.

5. Запечатленный в финальной части четвертого стихотворения ключевого цикла образ России, имеющий пейоративную семантику, выступает ключевым структурно-смысловым компонентом следующего произведения — «Неугасимое пламя...». Этот образ, выраженный перифразой *«адский, погибельный храм»*, раскрывается в картинах всеобщего нравственного разложения, сопоставимых с описанием библейского Содома: *«В совокупленье геенском / Корчится с отроком бес...», «Страсть многохоботным удом / Множит пылающих чад»* [Клюев, 1919, с. 151]. Лирический герой, осмысливая собственную греховную сущность (*«Чрево мне выжгла геенна, / Бесы гнездятся в костях»*), возносит страстную молитву о скорейшем втором пришествии Христа, который преобразит мир, погрязший в грехах: *«Милый, явьшь, я — супруга, / Ты же — сладчайший жених. / с Севера, — с ясного ль Юга / Ждать поцелуев Твоих? <...> / Выведи, Боже распятой, / Из преисподней земли»* [Там же, с. 152].

Сакральная семантика упования на милость Божию, проявляющаяся в синтагматических и парадигматических связях текста, формирует его когнитивно-дискурсивное пространство, основанием которого служит метафора **«спасение как упование»**.

6. Эмоционально-образное содержание стихотворения «Неугасимое пламя...» резко контрастирует с эмотивной тональностью следующего произведения цикла «Мои уста — горячая пустыня...». Его заглавная идея, создавая живописную и символически насыщенную словесную канву текста, достаточно полно и отчетливо высказана финальной фразой, где звучит признание героя во всепоглощающей любви к Богу: *«Тебя,*

Мое Дитя, Супруг и Бог — люблю» [Там же, с. 154]. Собственно, метафора «спасение как боголюбие» определяет концептуальную систему данного произведения. В самом признании героя опознается отсылка к первой заповеди Христа: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею» (Мк. 12: 29—31).

Стоит отметить, что в отличие от Есенина, который в поэме «Преображение» духовную жажду воплощения Христа лаконично выразил, по сути дела, в призыве «родить» («*Господи, отелись!*»), Клюев воспроизводит сакральный процесс воплощения Христа в душе героя целостно: от любовного томления («*Будь в ласках, как жена, в лобзании безбрежен*») до рождения («*...и муки роженицы, / Грызь жил, последа жар, стена, перетерплю...*» [Там же]), — прибегая, как справедливо заметила Н. М. Солнцева, к интимным «мотивам плотского эроса» [Солнцева, 2000, с. 33], которые намечены в предыдущих стихотворениях цикла.

Перед нами открывается таинство явления в мир нового, благочестивого человека. Вместе с тем сопряженное с радостью («*ласками*») и муками («*стенаниями*») рождение «нового» героя, стяжающего боголюбие, определяет его готовность к дальнейшему духовно-творческому совершенствованию на пути к спасению.

7. Концептуальную систему седьмого стихотворения организует метафора «спасение как утешение». В этом произведении, как и в ряде предыдущих, автор вновь обращается к теме «*адского, погибельного храма*», олицетворенного образом древней столицы: «*И Тобою попраный починают ад / Сытые кутейники московские!*» [Клюев, 1919, с. 155]. Сохраняет свои inferнальные коннотации в новом тексте и фигура кощунствующего Распутина, который «*на антиминсе / Пляшет в жегучих, похотливых сапогах*» [Там же]. («Антиминс — освященный плат со святыми мощами, на котором изображено положение Христа во гроб, четыре евангелиста и орудия страдания Спасителя. А. кладется на церковный престол во время причастия» [СД, 2003, с. 989]).

Увиденное духовным зрением, переживаемое и высказываемое автором будто бы не оставляет никаких надежд на спасение: «*Как же бежать из преисподней, / Где стены из костей и своды из черепов?*» [Клюев, 1919, с. 155]. Однако душа героя наполнена отнюдь не безраздельной скорбью, а неизбывной верой в пришествие Христа «*в венце терновом*» и чувством благодатного утешения, которое герой подвижнически несет всем людям, даже тем, что скрывают в своих недрах «*ад заводской и гиблый трактир*».

Утешительная весть радостно подхватывается самой природой («*Ведь пичужка с глазом васильковым / Выше библий, тиар и порфир*») и, что

значимо для певца «*мужицкого Спаса*», отзывается «*словом / о грядущих золотых мирах*» исключительно в сознании обитателей деревни, единственно сохраняющих живую память о мире горнем и корневых устоях национального бытия.

8. Последнее стихотворение цикла завершает лирический сюжет о спасении души героя. Вплетенная в глубокий религиозно-философский контекст произведения, идея духовного возвышения, достигаемого через жертвенную любовь, составляет содержательное ядро концептуальной метафоры «*спасение как самопожертвование*». В венчающем цикл тексте ипостасное соединение героя с Христом («*Распятыя на древе — с Тобюю, в Тебе*» [Клюев, 1919, с. 157]) изображается как Таинство — дар Святого Духа за душевный труд, силу и крепость веры, свидетельствующий о достижении героем своего предназначения, с осмысления которого, напомним, и начинается «Спас». В этом ракурсе содержание первого и последнего стихотворения замыкаются, образуя сюжетно-композиционное единство и завершенность цикла.

Религиозный экстаз, испытываемый героем и выраженный в страстном желании «*войти в Твои раны*», «*вкусить*» винограда, опалить «*кровьюю уста*», — очевидная аллюзия стиха из шестой главы Евангелия от Иоанна: «*Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем* (Ин. 6: 56).

Мотив причастия, определяющий развитие лирического сюжета стихотворения, обуславливает последующее появление в тексте идеи конечного пути героя («*До верного шляха в сияющий рай!*»), осознания им сакральной роли своего поэтического дара («*Мой стих — зыыватель в Христовы ряды*») и образа «*Девы-Любви*», которой герой без остатка («*на вес не дробя*») отдает себя.

В земном мире, наполненном «*злом и бедами*», крестная любовь, что в финале ниспосылается герою как высшая благодать, становится его крепким внутренним стержнем, залогом обретения Царства Небесного. Высшее блаженство, счастье и полноту жизни лирический герой цикла обретает не в поэтической проповеди Христовых истин, а, подобно Христу Спасителю, в жертвенном служении ближним.

Сокровенная жизнь души героя, обращенная к Богу и запечатленная в поэтическом мире «Спаса», отразила многолетний этико-художественный опыт и духовную эволюцию самого поэта. Каждое из восьми стихотворений цикла, последовательно воссоздавая яркую панорамную картину спасительного преображения героя-автора, вместе с тем соотнесено с важнейшими вехами жизненного и творческого пути Клюева, вплоть до 1918 года — времени оформления этих произведений в единый циклический текст.

3.2. Контексты стихотворного цикла «Спас» как духовной автобиографии поэта

Биографические детали и факты из жизни поэта, проявляющиеся, как правило, в ономастическом пространстве цикла за счет использования реальных топонимов и антропонимов (*Соловки, Москва, Распутин* и др.), дают возможность установить временные границы основных этапов религиозных исканий Клюева, которые, в свою очередь, обуславливают доминирование определенных мотивов в поэзии 1904—1918 годов.

Так, в содержании первого стихотворения цикла «Вышел лен из мочища...» отражается период личностного и творческого самоопределения поэта до его вступления на литературный путь в 1904—1905 годах. Второе стихотворение — «Я родил Эммануила...» — отсылает к произведениям первого сборника Клюева «Сосен перезвон» (1911), наполненного мотивами «тоски, поисков будущего», а также «избранничества, мессианства русской деревни», [Мекш, 1986, с. 74; 76]. В третьем стихотворении явно дают о себе знать религиозно-философские настроения Клюева периода его сближения в 1911 году и разрыва в конце 1912 года с «голгофскими христианами». Сборники «Братские песни» и «Братские песни: (Песни голгофских христиан)», вобравшие идеи активного христианства, пронизаны призывами к страданиям на кресте, «только не как Христос, а как разбойники, с Ним на Голгофе распятые» [Терешкина, 2019, с. 104]. Четвертое, пятое и шестое стихотворения соотносятся с глубокими религиозными раздумьями Клюева 1913—1914 годов, вызванными смертью матери в ноябре 1913 года. В это время в Олонецкой губернии создавались лирические произведения, вошедшие в сборник «Лесные были», где, как справедливо отметил Э. Б. Мекш, «вместе с темой возвращения» на родину «звучит тема покаяния» [Мекш, 1986, с. 76]. Отметим, что начальные произведения указанного сборника, составившие позднее цикл «Избяные песни», над которым поэт работал в 1914—1916 годах, раскрывают тему сиротства и его преодоления «через идею христианского Спасения» (см.: [Пономарева, 2016, с. 112]). Ценностным сосредоточием седьмого стихотворения («Господи, опять звонят...») являются размышления о Спасителе, «следы» которых легко обнаруживаются в сборнике «Мирские думы» и лирических текстах 1917 года, когда революционные события устойчиво прочитываются поэтом сквозь призму «религиозной историософии», в основе которой — «Евангелие как метаистория» [Серегина, 2018, с. 460]. Заключительное стихотворение «Спаса» — «Войти в Твои раны — в живую купель...» — художественно аккумулирует в себе опыт христианского мировидения поэта, накопленный им ко времени работы над Собранием сочинений.

Если, как справедливо отметил К. М. Азадовский, по «Песнослову» «можно проследить все творчество Клюева — весьма неровное — от 1905 до 1918 года» [Азадовский, 1990, с. 228], то по стихотворениям, составившим цикл «Спас», можно проследить эволюцию религиозного сознания поэта, им самим художественно осмысленную с той вершины своего духовно-творческого развития, которого поэт достигает в 1918 году.

В данном отношении особый интерес вызывает прозаический текст Николая Клюева «Гагарья судьбина», датированный 1922 годом. В жанровом плане это весьма сложное и неоднозначное произведение, в котором автобиографический нарратив является лишь событийной канвой повествования, призванной упорядочить во времени и пространстве (несмотря на то, что хронологический порядок глав нарушается) собственное жизнеописание поэта. С одной стороны, в нем видится стремление Клюева дать представление о своем творческом родословии, что отчетливо прослеживается, к примеру, в финальных строках, где автором заданы симптоматичные границы «песенной жизни»: «от избы до дворца, от песни за навозной бороной до белых стихов в царских палатах» [СД, 2003, с. 42]. Однако, с другой стороны, в клюевском тексте присутствуют ясно опознаваемые черты агиографического жанра: «древнее благочестие» как незыблемый канон домашнего воспитания, раннее приобщение героя к молитве и слову Священного Писания, отказ от семейной жизни и уход в монастырь, страдания за веру, искушение и его преодоление, отмеченное знаком высшего участия в судьбе героя: «Театры, музыка, картинные выставки не дали мне ничего, кроме полевой тоски и душевного холода... Грузинская Божия Матерь спасла меня от рабства» [Там же, с. 36]. Вместе с тем, что важно подчеркнуть, репрезентируемый путь в своих опорных точках текстового поля обнаруживает очевидную корреляцию с сюжетом о спасении души в лирическом цикле «Спас». Например, в начальной «главке» «Гагарьей судьбины» дважды акцентируется мысль о божественном предопределении судьбы автора, затем в выразительных деталях изображается его служение и испытание веры («Вериги я на себе носил девятифунтовые... Без 400 земных поклонов дня не кончал» [Там же, с. 39]; неоднократно в тексте возникает мотив покаяния и упования на милость Божию («мне стало стыдно и смертельно обидно за себя, за Россию, за песни — пальный товар» [Там же, с. 36]); в манере самобытного клюевского лирического письма, отсылающего к стихам «Спаса», даётся образ боголюбия и утешения автора: «Теплый животный Господь взял меня на ладонь свою, напоил слюной своей, облизал меня добрым родимым языком, как корова облизывает новорожденного теленка» [Там же, с. 35]. Сверх того, идея спасения как самопожертвования является объединяющим началом «Гагарьей

судьбины», заглавным и высшим смыслом духовного пути поэта-христианина, отраженного в повествовании. Добавим, что роднят «Спас» и «Гагарью судьбину» переключки и другого рода: противопоставление «избяного рая» («родимого гнезда») «смаднему, каменному чаду» столичных городов, мотив «дедовских могил», микросюжет о Распутине и др. В целом, все это позволяет сделать — пока еще предварительный — вывод о том, что «Гагарья судьбина» выступает в качестве прозаической версии стихотворного цикла «Спас», утверждающей неизменность авторской оценки собственной поэтической судьбы как посвятительного пути к Христу, что станет твердым, выверенным в своих аксиологических координатах базисом последующего житнетворчества Николая Клюева.

Как справедливо заметил Мишель Никё, «поэт никогда не сомневался в конечной Божией справедливости» и «даже в страшных условиях ссылки письма поэта к Надежде Федоровне Христофоровой свидетельствуют об истинном, глубоком христианстве. В них он выступает и как духовный наставник, и как смиренный христианин» [Никё, 2006, с. 83], воспринимающий свою жизнь как «узкий, тернистый, но спасительный путь, <...> по которому [его] ведет ... Провидение» (Из письма к Л. Э. Кравченко от 20 января 1935 года, Томск) [СД, с. 350].

Восемь стихотворений цикла отсылают к библейской символике числа «восемь», означающего спасение и обновление, завершение старого этапа жизни и переход к новому. По христианскому преданию, Воскресение Христово произошло «в первый день недели» (Мк. 16: 9), который получил название «день Господень». Первым днем недели в Православном календаре считается воскресенье, которое в жизни Церкви имеет особое значение. Однако этот день также можно считать — в переносном смысле — «восьмым днём» после субботы (седьмого дня недели, начинающейся с воскресенья), что подчёркивает идею перехода от смерти к новой жизни, от старой эпохи к новой. Воскресение Христа Спасителя открыло возможность вечной жизни для всех, кто верит в Него. В церковной традиции восьмой день, обозначает каждое воскресенье, в том числе и самое значимое Пасхальное, которое проникнуто радостью о Воскресении Христа Спасителя и победы над смертью. Заключительные строки «Спаса» («*Придачей покупке, на вес не дробя, / Улыбчивой гостье я отдал себя*») [Клюев, 1919, с. 158]) наполнены особенным ощущением героя тихой пасхальной радости, чувством обетованного воскресения к новой жизни. Они выражают идею жертвенной христианской любви как верного пути для всех, ищущих спасения во Христе. И в данном случае есть повод говорить о проявляющейся и определяющей тип национальной духовной личности в цикле Клюева пасхальной доминанте как магистральной идее русской словес-

ности, концептуальное обоснование которой дано в специальном монографическом труде И. А. Есаулова [Есаулов, 2004]. Это, в свою очередь, позволяет значительно расширить контекст изучения «Спаса», где, на наш взгляд, и возможным, и продуктивным может оказаться его сопоставление с Каменноостровским циклом А. С. Пушкина, в котором последовательность стихотворений устанавливается поступательным движением авторского сознания «к пасхальной победе над Смертью» [Есаулов, 2021, с. 93].

Оставляя эту тему будущим исследователям «Спаса», обратимся к другим, более очевидным контекстам клюевского цикла.

Зародившийся в IV веке в европейской литературе жанр «духовной автобиографии» повествует о тернистом пути христианина от греховной юности к стяжанию Божественной благодати. Самым известным произведением этого жанра является сочинение английского писателя и протестантского проповедника Джона Беньяна «Изобилующая благодать к первому из грешников» (1666) (в английском первоисточнике — «Grace Abounding to the Chief of Sinners»), снабженное авторским предисловием «Короткое сообщение о чрезвычайной благодати Божьей во Христе по отношению к бедному слуге Джону Баньяну» [Харрисон, 2009, с. 105].

В своей основе «Спас» Николая Клюева воспроизводит сложившуюся в мировой литературе сюжетную «формулу» духовной автобиографии, где осознание героем высшего предопределения своей судьбы ведет его к обретению жизни во Христе. В отечественной словесности жанр автобиографии-исповеди восходит к жанру жития, который в XVII веке постепенно превращается в бытовую повесть, а затем становится автобиографией-исповедью. Яркий пример этому — уникальный памятник отечественной словесности XVII века «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», с автором которого Клюев подчеркивал не только творческую близость, но и родовую связь: «Я сгорел на своей “Погорельщине”, как некогда сгорел мой прадед протопоп Аввакум на костре пустозерском» [СД, 2003, с. 313]. Это признание, являющееся очевидным элементом автомифологии Клюева, нельзя отнести к эпатажным вымыслам поэта. Как справедливо отметил В. Г. Базанов, «с “огненными” писаниями Аввакума связана поэзия Клюева, ее глубокая духовность, ее эстетика», а сами они — «действительно родственные натуры» [Базанов, 1990, с. 20; 24] (см. также: [Калинина, 2007]).

Судьба легендарного старообрядца, непоколебимого в жертвенном стоянии за Христа, художественно преломляется в сознании героя-автора «Спаса», сообщая лирическому сюжету цикла дополнительные коннотации, обогащающие содержание духовной автобиографии олонецкого поэта. Примечательно, что в «Гагарьей судьбине» как прозаическом параф-

разе «Спаса» свободно эксплицируются текстовые параллели с «Житием протопопа Аввакума», которые могут стать предметом новых научных рецензий клюевского цикла.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование цикла «Спас» позволяет идентифицировать его как духовную автобиографию Николая Клюева, отражающую основные вехи богопознания поэта. Безусловно, в стихотворениях «Спаса» ошутимо дает о себе знать русское религиозное разномыслие, акцент на котором, о чем мы говорили выше, во многом определяет содержание новейших литературоведческих практик цикла. В предлагаемой интерпретации «Спаса» мы исходим из того, что в период работы Н. Клюева над циклом его широкий диапазон религиозно-этических исканий, проявившихся в поэтическом синкретизме образной системы произведений, упорядочивал и питал христианский традиционализм. Его актуализация как ценностного сосредоточия семантики «Спаса» видится нам вполне правомерной в контексте существующих дискуссий о мировоззренческих основах художественной эстетики Клюева.

Анализ поэтики цикла выявил, что последовательная смена концептуальных метафор — от «спасения как предопределения» до «спасения как самопожертвования» — воспроизводит путь христианина от осознания им Божественного промысла до его уподобления Христу через жертвенную любовь и соотносится с важнейшими этапам биографии Клюева, передающими характерные особенности религиозно-философского поиска поэтом «узкого пути» к «тесным вратам» спасения.

«Спас» Н. Клюева вобрал в себя жанровые традиции православной житийной агиографии, в первую очередь «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного», и западноевропейской духовной автобиографии, демонстрируя универсальность христоцентрической модели спасения, представленной новокрестьянским поэтом в «Спасе». Его восьмичастная структура, обусловленная пасхальным архетипом, выражает идею о преображении мира через жертвенное служение человека, высочайшим образцом которого стал земной путь Спасителя, воспринимаемый поэтом сквозь призму народно-христианской культуры и Священного Предания.

Специфика авторской оптики сюжета о спасении души, запечатленного в стихотворениях цикла, свойственна и для прозы Клюева 20-х годов, в частности биографического очерка «Гагарья судьбина», выступающего парафразом «Спаса».

Исследовательское прочтение цикла как духовной автобиографии Н. Клюева открывает перспективу дальнейшего изучения религиозно-фи-

лософского дискурса творчества поэта, сосредоточенного на его стяжении благодати спасения.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Клюев Н. А.* Песнослов. Книга вторая / Н. А. Клюев. — Петроград : Литературно-издательский отдел народного комиссариата по просвещению, 1919. — 256 с.
2. *Медведев Ю. П.* Николай Клюев и Павел Медведев. К истории диалога / Ю. П. Медведев // Николай Клюев глазами современников : сборник воспоминаний / Сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. — Санкт-Петербург : Росток, 2005. — С. 108—117. — ISBN 5-94668-031-5.
3. ПСК — *Поэтический словарь* Николая Клюева. Частотные словоуказатели / Сост. М. В. Богданова, С. Б. Виноградова, С. Х. Головкина, С. Н. Смольников, Л. Г. Яцкевич. — Вологда : [б. и.], 2007. — Выпуск 1. — 256 с.
4. ПССБ — *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. — Москва : Наука ; Голос, 1995—2002. — Т. 6. Письма. — 1999. — 816 с. — ISBN 5-02-011682-3.
5. СД — *Клюев Н. А.* Словесное древо. Проза / Н. А. Клюев ; вступ. ст. А. И. Михайлова ; сост. В. П. Гарнин. — Санкт-Петербург : Росток, 2003. — 688 с. — ISBN 5-94668-012-9.

Литература

1. *Азадовский К. М.* Жизнь Николая Клюева : документальное повествование / К. М. Азадовский. — Санкт-Петербург : Звезда, 2002. — 367 с. — ISBN 5-94214-003-0.
2. *Азадовский К. М.* Николай Клюев : Путь поэта. / К. М. Азадовский. — Ленинград : Советский писатель, 1990. — 336 с. — ISBN 5-265-01491-8.
3. *Базанов В. Г.* С родного берега: о поэзии Николая Клюева / В. Г. Базанов ; отв. ред. А. И. Павловский ; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкин. дом). — Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1990. — 241 с. — ISBN 5-02-027974-9.
4. *Бельченко Н. Ю.* Ритуал как ключ к прочтению цикла «Спас» Н. А. Клюева / Н. Ю. Бельченко // Ритуально-міфологічний підхід к інтерпретації тексту. Збірник наукових праць / За заг. ред. Л. О. Кисельової, П. Ю. Поберезкіної. — Київ : Інститут змісту і методів навчання, 1998. — С. 35—49.
5. *Брыкалин В. А.* Книга стихов Николая Клюева «Песнослов» как художественное единство : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / В. А. Брыкалин. — Волгоград, 2005. — 18 с.
6. *Дамаскин Иоанн.* Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина. Т. 1. / Иоанн Дамаскин ; пер. с греч. — Санкт-Петербург : Императорской С.-Петербургской духовной академии, 1913. — XXIV. 442 с.
7. *Есаулов И. А.* Каменноостровский цикл А. С. Пушкина как пасхальный текст : мимесис, парафрасис, катарсис (Статья первая) / И. А. Есаулов // Проблемы исторической поэтики. — 2021. — Т. 19. — № 1. — С. 88—123. — DOI: 10.15393/j9.art.2021.9002.

8. *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. — Москва : Кругъ, 2004. — 560 с. — ISBN 5-7396-0073-1.
9. *Казаркин А. П.* «Посвящённый от народа»: путь Николая Клюева / А. П. Казаркин. — Томск : Сибирика, 2013. — 184 с. — ISBN 978-0-7892-0014-3.
10. *Калинина Л. Ф.* «Правнук Аввакума» («поэтический космос» Н. А. Клюева) / Л. Ф. Калинина // Вестник Башкирского университета. — 2007. — Т. 12. — № 2. — С. 58—61.
11. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А. Н. Баранова ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — ISBN 5-354-00222-2.
12. *Ларионова С. Г.* Духовная поэзия Николая Клюева / С. Г. Ларионова // Филологічні науки. — 2012. — № 11. — С. 51—57.
13. *Лысов А. А.* Циклы Н. А. Клюева «Поэту Сергею Есенину» и «Спас» в контексте хлыстовской традиции и мотива зачатия / А. А. Лысов // Высшая школа. — 2016. — № 4. — С. 25—29.
14. *Меки Э.* От замысла к воплощению (творческая история собрания сочинений Н. А. Клюева «Песнослов») / Э. Мекш // Традиции и новаторство в советской литературе. Сборник научных трудов / Отв. ред. Д. Д. Ивлев. — Рига : ЛГУ им. П. Стучки, 1986. — С. 65—82.
15. *Маркова Е. И.* Купина в творчестве Николая Клюева : образ и понятие / Е. И. Маркова // Православие в Карелии : материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов (16—17 октября 2007 года, г. Петрозаводск). — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008. — С. 176—183. — ISBN 978-5-9274-0316-5.
16. *Маркова Е. И.* Родословие Николая Клюева. Тексты. Интерпретации. Контексты / Е. И. Маркова ; Карельский науч. центр Российской акад. наук, Ин-т яз., лит. и истории. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2009. — 354 с. — ISBN 978-5-9274-0373-8.
17. *Никё М.* Теодицея у Н. Клюева и С. Клычкова / М. Никё // XXI век на пути к Клюеву : материалы Международной конференции «Олонекские страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики», Петрозаводск, 21—25 сентября 2004 года / Составитель и научный редактор Е. И. Маркова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2006. — С. 81—86. — ISBN 5-9274-0191-0.
18. *Пономарева Т. А.* «Избьяные песни» Н. А. Клюева : формирование циклической целостности / Т. А. Пономарева // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2016. — № 5 (74). — С. 112—117.
19. *Пономарева Т. А.* Художественный мир новокрестынской литературы : Монография / Т. А. Пономарева. — Москва : МПГУ, 2017. — 184 с. — ISBN 978-5-4263-0504-5.
20. *Семенова С. Г.* Метафизика русской литературы : в 2 т. / С. Г. Семенова. — Москва : ПоРог, 2004. — Т. 1. — 511 с. — ISBN 5-902377-06-4.
21. *Сепсякова И. П.* Языческое, старообрядческое и христианское начала в поэзии Николая Клюева / И. П. Сепсякова // Проблемы исторической поэтики. — 1994. — Т. 3. — С. 316—340. — DOI: 10.15393/j9.art.1994.2427.
22. *Серегина С. А.* «Жизнетворные ключи Нового Назарета»: к истории «скифского мифа» русской литературы / С. А. Серегина // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма / сост. и отв. ред. О. А. Богданова, А. Г. Гачева. — Москва : Индрик, 2018. — С. 456—475. — ISBN 978-5-91674-504-7.
23. *Серегина С. А.* Образ распятия в произведениях Андрея Белого, Николая Клюева и Сергея Есенина (1917—1918) / С. А. Серегина // Мифологические образы в ли-

тературе и искусстве / Отв. ред. М. Ф. Надъярных, Е. В. Глухова. — Москва : Индрик, 2015. — С. 262—283. — ISBN 978-5-91674-356-2.

24. Солнцева Н. М. «Песнь о великой матери» Н. А. Клюева : мистика и реальность в истории о «внучке Аввакума» / Н. М. Солнцева // Stephanos. — 2019 — № 5 (37). — С. 7—22.

25. Солнцева Н. М. Гносеология С. Клычкова и Н. Клюева (1920—1930-е гг.) / Н. М. Солнцева // Stephanos. — 2016. — № 4 (18). — С. 9—22.

26. Солнцева Н. М. Странный эрос : Интимные мотивы поэзии Николая Клюева / Н. М. Солнцева. — Москва : Эллис Лак, 2000. — 128 с. — ISBN 5-88889-008-1.

27. Терешкина Д. Б. Евангельские образы и мотивы в первой книге «Братских песен» Николая Клюева / Д. Б. Терешкина // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — № 1. — С. 94—107. — DOI: 10.15393/j9.art2019.5861.

28. Харрисон Ф. М. Джон Баньян. Лудильщик, проповедник и автор книги «Путешествие пилигрима» / Ф. М. Харрисон. — Bielefeld : CLV, 2009. — 176 с.

29. Шокальский Е. «Распяты на древе — с Тобою, в Тебе...» Лес, дерево и крест в лирике Клюева / Е. Шокальский // XXI век на пути к Клюеву : материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики», Петрозаводск, 21—25 сентября 2004 года / Составитель и научный редактор Е. И. Маркова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2006. — С. 119—132. — ISBN 5-9274-0191-0.

Статья поступила в редакцию 11.03.2025,
одобрена после рецензирования 10.05.2025,
подготовлена к публикации 22.05.2025.

Material resources

CD — Klyuev, N. A. (2003). *The word tree. Prose*. Saint Petersburg: Rostock. 688 p. ISBN 5-94668-012-9. (In Russ.).

Klyuev, N. A. (1919). *Pesoslov. The second book*. Petrograd: Literary and Publishing Department of the People's Commissariat for Education. 256 p. (In Russ.).

Medvedev, Y. P. (2005). Nikolay Klyuev and Pavel Medvedev. Towards the history of dialogue. In: *Nikolai Klyuev through the eyes of contemporaries: a collection of memoirs*. St. Petersburg: Rostock. 108—117. ISBN 5-94668-031-5. (In Russ.).

Pskov — *The Poetic dictionary of Nikolai Klyuev. Frequency word indicators, 1*. (2007). Vologda: [b. i.]. 256 p. (In Russ.).

PSS6 — Yesenin, S. A. (1999). *Complete Works: in 7 volumes, 6*. Moscow: Nauka; Golos. 816 p. ISBN 5-02-011682-3. (In Russ.).

References

Azadovsky, K. M. (1930). *Nikolay Klyuev: The Poet's Path*. Leningrad: Sovetskiy pisatel. 336 p. ISBN 5-265-01491-8. (In Russ.).

Azadovsky, K. M. (2002). *The life of Nikolai Klyuev: a documentary narrative*. Saint Petersburg: Zvezda Publ. 367 p. ISBN 5-94214-003-0. (In Russ.).

Bazanov, V. G. (1990). *From his Native Shore: about the poetry of Nikolai Klyuev*. Leningrad: Nauka: Leningr. publishing House. 241 p. ISBN 5-02-027974-9. (In Russ.).

Belchenko, N. Y. Ritual as the key to reading the cycle “Saved” by N. A. Klyuev. In: *Ritual and mythological guide to the interpretation of the text. Zbirnik naukovikh prats*. Kyiv: Institute of Music and Methodology. 35—49. (In Ukr.).

- Brykalin, V. A. (2005). *The book of poems by Nikolai Klyuev "Pesnoslov" as an artistic unity*. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 18 p. (In Russ.).
- Esaulov, I. A. (2004). *Paschality of Russian literature*. Moscow: Krug Publ. 560 p. ISBN 5-7396-0073-1. (In Russ.).
- Esaulov, I. A. (2021). The Kamennostrovsky cycle of A. S. Pushkin as an Easter text: mimesis, paraphrasis, catharsis (First article). *Problems of historical poetics*, 19 (1): 88—123. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9002. (In Russ.).
- Harrison, F. M. (2009). *John Bunyan. The tinker, the preacher and the author of the book "The Pilgrim's Journey"*. Bielefeld: CLV. 176 p. (In Russ.).
- John Damascus. (1913). *The Complete Works of St. St. John of Damascus, 1*. St. Petersburg: Imperial St. Petersburg Theological Academy. XXIV. 442 p. (In Russ.).
- Kalinina, L. F. (2007). "Avvakum's great—grandson" ("poetic cosmos" by N. A. Klyuev). *Bulletin of the Bashkir University*, 12 (2): 58—61. (In Russ.).
- Kazarkin, A. P. (2013). *"Dedicated from the people": the path of Nikolai Klyuev*. Tomsk: Sibirika. 184 p. ISBN 978-0-7892-0014-3. (In Russ.).
- Lakoff, J. (2004). *Metaphors that we live by*. Moscow: Unified URSS. 256 p. ISBN 5-354-00222-2. (In Russ.).
- Larionova, S. G. (2012). The spiritual poetry of Nikolai Klyuev. *Philological sciences*, 11: 51—57. (In Russ.).
- Lysov, A. A. (2016). Cycles of N. A. Klyuev "To the poet Sergei Yesenin" and "Saved" in the context of the Khlyst tradition and the motive of conception. *Higher School*, 4: 25—29. (In Russ.).
- Markova, E. I. (2008). Kupina in the works of Nikolai Klyuev: image and concept. In: *Orthodoxy in Karelia: proceedings of the III Regional scientific conference dedicated to the 780th anniversary of the baptism of the Karelians (October 16—17, 2007, Petrozavodsk)*. Petrozavodsk: KarSC RAS. 176—183. ISBN 978-5-9274-0316-5. (In Russ.).
- Markova, E. I. (2009). *The Genealogy of Nikolai Klyuev. Texts. Interpretations. Contexts*. Petrozavodsk: KarSC RAS. 354 p. ISBN 978-5-9274-0373-8. (In Russ.).
- Meksh, E. (1986). From conception to embodiment (the creative history of the collected works of N. A. Klyuev "Pesnoslov"). In: *Traditions and innovation in Soviet literature. Collection of scientific papers*. Riga: P. Stuchki Leningrad State University. 65—82. (In Russ.).
- Nick, M. (2006). Theodicy of N. Klyuev and S. Klychkov. In: *The XXI century on the way to Klyuev: proceedings of the International Conference "Olonets pages of Nikolai Klyuev's life and work and problems of Ethnopoetics"*, Petrozavodsk, September 21—25, 2004. Petrozavodsk: KarSC RAS. 81—86. ISBN 5-9274-0191-0. (In Russ.).
- Ponomareva, T. A. (2016). "Izbyanye pesni" by N. A. Klyuev: the formation of cyclic integrity. *Bulletin of Cherepovets State University*, 5 (74): 112—117. (In Russ.).
- Ponomareva, T. A. (2017). *The artistic world of novokrestyansk literature: A monograph*. Moscow: Moscow State University. 184 p. ISBN 978-5-4263-0504-5. (In Russ.).
- Semenova, S. G. (2004). *Metaphysics of Russian literature: in 2 volumes, 1*. Moscow: Threshold. 511 p. ISBN 5-902377-06-4. (In Russ.).
- Sepsyakova, I. P. (1994). Pagan, Old Believer and Christian principles in the poetry of Nikolai Klyuev. *Problems of historical Poetics*, 3: 316—340. DOI: 10.15393/j9.art.1994.2427. (In Russ.).
- Seregina, S. A. (2015). The image of the crucifixion in the works of Andrei Bely, Nikolai Klyuev and Sergei Yesenin (1917—1918). In: *Mythological images in literature and art*. Moscow: Indrik. 262—283. ISBN 978-5-91674-356-2. (In Russ.).

- Seregina, S. A. (2018). “The life-giving keys of the New Nazareth”: on the history of the “Scythian Myth” of Russian literature. In: *New Testament images and plots in the culture of Russian Modernism*. Moscow: Indrik Publ. 456—475. ISBN 978-5-91674-504-7. (In Russ.).
- Shokalsky, E. (2006). “To be crucified on a tree — with You, in You ...” The forest, the tree and the cross in the lyrics of Klyuev. In: *XXI century on the way to Klyuev: proceedings of the International Conference “Olonets pages of the life and work of Nikolai Klyuev and the problems of ethno-poetics”, Petrozavodsk, September 21—25, 2004*. Petrozavodsk: KarSC RAS. 119—132. ISBN 5-9274-0191-0. (In Russ.).
- Solntseva, N. M. (2000). *Strange eros: Intimate motifs of Nikolai Klyuev's poetry*. Moscow: Ellis Luck. 128 p. ISBN 5-88889-008-1. (In Russ.).
- Solntseva, N. M. (2016). Gnoseology of S. Klychkov and N. Klyuev (1920—1930s). *Stephanos*, 4 (18): 9—22. (In Russ.).
- Solntseva, N. M. (2019). “The Song of the Great Mother” by N. A. Klyuev: mysticism and reality in the story of the “granddaughter of Avvakum”. *Stephanos*, 5 (37): 7—22. (In Russ.).
- Tereshkina, D. B. (2019). Evangelical images and motifs in the first book of “Fraternal Songs” by Nikolai Klyuev. *Problems of historical Poetics*, 17 (1): 94—107. DOI: 10.15393/j9.art2019.5861. (In Russ.).

*The article was submitted 11.03.2025;
approved after reviewing 10.05.2025;
accepted for publication 22.05.2025.*